

§2 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Квашонкин А.В.

ТЕХНОЛОГИЯ «КРАСНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» В ЗАКАВКАЗЬЕ В НАЧАЛЕ XX в.

***Аннотация.** В современном мире наряду с классическими инструментами внешней политики ведущие государства мира все чаще используют технологии так называемых «цветных революций», суть которых заключается в свержении не отвечающих их национальным интересам правительств других стран и приводе к власти в них своих марионеток. Как известно, все новое является «хорошо забытым старым» с известной поправкой на современность и тактические методы. Предметом исследования является механизм организации и проведения «красных революций» в Закавказье сквозь призму переписки первых лиц государства Советской России в начале 20-х гг. XX века. В рамках статьи автор поставил следующие задачи: дать анализ теоретических и практических аспектов «красных революций»; показать их базовую модель на примере советизации Азербайджана, Армении и Грузии; показать модель организации в них новых властных структур. В основе методологии исследования лежат методы конкретно-исторического и сравнительного анализа переписки первых лиц советского государства в начале 20-х гг. прошлого века. Новизну работы определяет введение в научный оборот и анализ большого количества неопубликованного ранее архивного материала из коллекций документов И.В. Сталина, Г.К. Орджоникидзе, фонда Совета Народных Комиссаров РСФСР Российского государственного архива социально-политической истории по проблемам организации «красных революций» в Закавказье. Личная переписка представителей партийного, военного и советского руководства Закавказья с руководством Советской России и между собой содержит богатейший материал, который помогает восстановить реальную картину организации «красных революций» в этом регионе в 20-е гг. XX века, понять и уточнить роль в этом процессе отдельных представителей большевистской элиты. Письма, телеграммы, разговоры «по прямому*

проводу» (разговор по телеграфу) восстанавливают динамику и наполняют смыслом цепочку событий в общих чертах описанных, но не проанализированных в деталях.

Ключевые слова: Закавказье, большевистское руководство, переворот, коммунистические партии, установление советской власти, советизация, Азербайджан, Армения, Грузия, красные революции.

Abstract. *In the modern world along with the classical instruments of foreign policy, the leading states use the technologies of so-called “color revolutions”, the essence of which consists in removal the governments of other countries that do not support their national interests, and placement into power of their own puppets. It is a known fact that all new is a “well-forgotten old”, but with adjustment for modernity and tactical methods. The subject of this research is the mechanism of organization and realization of the “red revolutions” in Transcaucasia through the prism of correspondence of the Soviet State leaders during the 1920’s. Within the framework of this work the author set the following tasks: give an analysis to the theoretical and practical aspects of the “red revolutions”; demonstrate their basic model on the example of Sovietization of Azerbaijan, Armenia, and Georgia; illustrate the model of organization of the new government structures in these countries. The novelty of this article is determined by introduction into the scientific circulation and analysis of a large amount of unpublished archived material from the compilations of documents of J. S. Stalin, G. K. Ordzhonikidze, as well as from the fund of the Council of People’s Commissars of RSFSR of the Russian State Archive of Sociopolitical History on the problems of organization of “red revolutions” in Transcaucasia. The personal correspondence of the representatives of the party, military, and Soviet authorities of Transcaucasia with the Soviet government and among themselves, contains rich material that allows restoring the real picture of organization in the 1920’s of the “red revolutions” in this region, as well as understand and clarify the role of the separate representatives of the Bolshevik elite in this process.*

Key words: *Georgia, Sovietization, Communist Parties, establishment of Soviet government, coup, Armenia, Bolshevik leadership, Transcaucasia, Azerbaijan, Sovietization.*

Термин «советизация», рожденный в среде большевистской элиты, наиболее точно отражает суть явления, известного в советской исторической литературе как «триумфальное шествие советской власти». Теме установления советской власти в различных регионах бывшей Российской империи посвящено значительное количество работ и статей, как в советской, так и в зарубежной историографии. Советская историография рассматривала этот процесс сквозь призму ленинской теории «революционной ситуации», согласно которой установление советской власти на тех или иных территориях было результатом сочетания объективных условий – предпосылок социалистической революции – и субъективного фактора – наличия партии рабочего класса, способной организовать и повести население на революцию. При этом главный акцент делался на самостоятельность этого процесса без какого-либо вмешательства со стороны тре-

тых государств [1]. Западная историография, напротив, оценивала процесс «советизации» национальных окраин бывшей Российской империи, как результат исключительно военного вмешательства Советской России [2]. Точка зрения западной историографии доминирует и в современных российских публикациях [3]. Представляется, что возможность взглянуть на процесс глазами его основных руководителей сквозь призму их переписки поможет более точно определить верную точку зрения. Новизна данной работы заключается во введении в научный оборот большого количества архивного материала из коллекций документов Орджоникидзе (Ф. 85) и Сталина (Ф. 558) Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РГАСПИ).

Геополитическое положение России на стыке континентов и цивилизаций различного рода уготовило ей роль центра притяжения, своего рода фактора стабильности в Евразийском реги-

оне. Кризис монархии и распад Российской империи в феврале – октябре 1917 года прервали многовековой процесс оформления огромных пространств Восточной Европы, Сибири, Кавказа, Закавказья и Средней Азии под властью мощного русского государства. Различные судьбы и пути вхождения в его состав славянских и неславянских народов предопределили во многом характер отношений новых государств между собой и к своей «старшей сестре» – России. Традиционная имперско-националистическая политика романовской династии не могла не породить ответного национализма малых народов. Но вслед за волной русофобии, прокатившейся по просторам бывшей империи, набирала силу другая волна – междуусобной ненависти, рожденной в исторической ретроспективе региональных конфликтов, сдерживавшихся до поры исключительно силой централизованного государства. Силовой характер регулирования, гарантом которого были имперские государственные структуры, привел к тому, что с распадом последних прежние конфликты вспыхнули с новой силой. Особенно в полиэтнических районах типа Закавказья. Нагорный Карабах, Нахичевань, Шуша, Зангезур и другие районы, печально известные сегодня межэтническими конфликтами, вызванными распадом СССР, и тогда, в 1918–1921 гг., стали ареной боевых действий между армянами и азербайджанцами, азербайджанцами и грузинами, грузинами и абхазами. На Северном Кавказе обострились отношения ингушей с осетинами, казаков с чеченцами и другими горскими народами. В совокупности с разрывом экономических связей с Россией, военные действия в пограничных районах привели к резкому падению уровня жизни населения и росту оппозиции национальным режимам.

В свою очередь, пришедшие к власти в России большевики, были одержимы идеей мировой революции. На «закате» гражданской войны почувствовавшее силу большевистское руководство России предприняло ряд крупномасштабных акций по собиранию земель «рассыпавшейся» в октябре 1917 г. империи. Теоретическим основанием этой политики стала идея «мировой революции», практической причиной – взаимозависимость экономики российских регионов в

сырьевом и бытовом отношениях, усугубившаяся ее развалом в ходе мировой и гражданской войн. Придание стабильности политической системе Советов через восстановление экономики внутри страны, с одной стороны, и через насаждение «родственных» режимов за ее пределами, с другой, стало стержневой осью всей внутренней и внешней политики советского руководства. Решение второй задачи облегчалось как наличием неимоверно разросшейся армии, так и сохранившейся где открыто, а где в «подполье» партийной структурой, игравшей роль «пятой колонны» на территории объектов экспансии.

Закавказье включенное в состав Российской империи в течение XVIII и XIX вв., было одной из ключевых территорий, обеспечивавших выход государства к южным морям, рынок сбыта и источники сырья для русской промышленности. В совокупности с величайшими амбициями сильной в большевистской партии кавказской диаспоры, искавшей поле деятельности для реализации своих властных устремлений, эти факторы предопределили судьбу расположенных там Азербайджана, Армении, Грузии, и др. государств, отделившихся после заключения Брестского мира.

Опорной точкой советизации Закавказья стал созданный в годы Гражданской войны Кавказский Краевой Комитет (далее – ККК) и его Кавказское бюро (далее Кавбюро) во главе с Г.К. Орджоникидзе. Состав ККК за годы его существования неоднократно менялся по личным соображениям его лидера. Единственной постоянной величиной здесь было преобладание грузин. Опираясь на дружбу и поддержку Джугашвили-Сталина из центра, Орджоникидзе подбирал своих людей. В короткий период, он в борьбе за личную власть в регионе сумел переругаться и испортить отношения с лидерами большинства национальных компартий. Созданный в ноябре 1918 г. ЦК Горских коммунистических партий был дискредитирован Орджоникидзе и его соратниками перед Москвой и не пользовался доверием большевистского руководства. Лидеры компартий Грузии, Армении и Азербайджана находились в постоянном напряжении. Поддерживая своих сторонников, глава Кавбюро стравливал их со своими противниками и

неуклонно вытеснял последних. Контролируя все отпускаемые на покупку оружия и организацию нелегальной работы средства, Орджоникидзе сосредоточил в своих руках огромную власть. Неудобные ему люди неожиданно переводились в другие регионы, расстреливались по обвинению в антисоветской деятельности, а то и просто бесследно пропадали. Нашумевшее в конце 1920 году дело Вадима (Лукашева) (это дело находилось под контролем Политбюро и рассматривалось в специально созданной комиссии ЦК в ноябре 1920 г. Материалы по делу находятся в фонде СНК СССР), особо уполномоченного ВЧК по делам Востока на Кавказе, отважившегося написать в ЦК о безобразиях, чинимых людьми Орджоникидзе, вскрыло лишь верхушку айсберга беззакония. Вадим проиграл, и был переведен. Орджоникидзе выиграл и, став чуть осторожнее, продолжил свою прежнюю политику. Его ближайшее окружение – Киров, Назаретян, Косиор, Микоян, Квиркелия и др. остались на местах. Уверенность Орджоникидзе в себе, помимо поддержки со стороны Сталина, базировалась также на том, что он был главой Реввоенсовета Кавказфронта. В условиях войны люди его типа, с жестким характером и выполняющие задачу любой ценой, служили неразменной монетой.

Именно Орджоникидзе Ленин послал 28 марта 1920 года откровенную и страшную телеграмму: «Нам до зарезу нужна нефть, обдумайте манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут и испортят нефть и нефтяные промыслы и наоборот даруем жизнь всем, если Майкоп и особенно Грозный передадут в целости...» [4]. Одновременно Орджоникидзе было предложено объяснить по поводу жалоб на его беззакония, изложенных в письме, имя автора которого Ленин, по известным причинам, не называл. «Удивляюсь, – отстучал в ответ глава Кавбюро, – что не назвали автора. Это или сознательный мерзавец или бессознательный дурак. [В] первом случае требую предать Ревтрибуналу. Все ложь и ложь тенденциозная» [4, Л. 1]. «Гнев» Ленина, как и «возмущение» Орджоникидзе, по поводу этого частного письма были не больше чем игрой, ритуалом подтверждения соподчиненности и места каждого из

двух политиков в иерархической пирамиде власти. В событиях, о которых пойдет речь, фигура Орджоникидзе была незаменима именно в силу тех качеств, которые были подвергнуты критике в письме – прямолинейность, жажда власти, грубость, беспринципность в выборе средств достижения цели, хитрость и мстительность.

Решение о советизации Закавказских государств перешло в практическую плоскость именно весной 1920 г. Постановления IX съезда РКП(б) о использовании мирной передышки в целях экономического возрождения страны связывались с восстановлением нефтепромыслов, железных дорог и экономических связей с бывшими национальными окраинами, а через них – со странами черноморского побережья. Уже в начале апреля после взятия Грозного советская власть была внесена на штыках 11 армии в Чечню, Ингушетию, Дагестан. Ее окончательному утверждению на Северном Кавказе мешали сопротивление казаков, близость Деникинской армии, недостаток сил для тотального контроля над территорией в связи с событиями на польском фронте. Из стекавшейся к расположившемуся в Ростове на Дону Кавбюро информации следовало, что наиболее шаткое положение имеет муссаватистское правительство Азербайджана, в меньшей степени благоприятна ситуация для переворота в Армении, наибольших усилий потребуются для свержения меньшевистского правительства Грузии. Несмотря на то, что подготовка операций по советизации проводилась в масштабах всего Закавказья, недостаток сил и важность бакинских нефтепромыслов и черноморских портов склонили чашу весов «в пользу» Азербайджана и Грузии. 17 марта Ленин телеграфировал Орджоникидзе: «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичными и удостовериться максимально в подготовке твердой местной Советской власти. Тоже относится к Грузии, хотя к ней относиться советую еще более осторожно. О перебросках условьтесь с Главкомом» [5].

«Разведка» была проведена в середине апреля 1920 г. По договоренности с Орджоникидзе руководитель национально-освободительного движения Турции Мустафа Кемаль

потребовал от Азербайджана пропустить советские войска для защиты границ своей страны от англичан [6]. В случае положительного ответа решалась задача бескровного переворота в Азербайджане. Официальный Азербайджан ответил молчанием.

Тогда началась подготовка силовой советизации Азербайджана. В операции должны были участвовать как сухопутные части Красной армии, так и Каспийский флот. Получив известие о завершении группировки войск на азербайджанской границе, 21 апреля 1920 г. Орджоникидзе приказал командованию 11-й армии перейти 27 апреля границу Азербайджана и «стремительным наступлением овладеть территорией Бакинской губернии [...] в 5-ти дневный срок». Одновременно командующему флотом Раскольникову было приказано высадить десант, «быстрым налетом овладеть [...] всем наливным флотом» и не допустить порчи нефтяных промыслов [7]. 23 апреля 1920 г. Орджоникидзе и Тухачевский направили уточняющую телеграмму, в которой приказывали «конечной задачей 11 армии считать не овладение Бакинской губернией, а овладение всей территорией Азербайджана» [7, С. 311]. Одновременно был разработан план правительственного переворота в Баку. За советизацией Азербайджана должна была последовать молниеносная советизация Грузии. В тот же день, 23 апреля 1920 г., сообщая о положении в Грузии, Орджоникидзе телеграфировал Ленину: «[...] Настроение всюду за нас, ждут прихода Советских войск [...]» [8].

26 апреля Красная армия перешла границу Азербайджана и заняла исходные позиции в ожидании спланированного на ночь с 27 на 28 апреля восстания Комитета азербайджанских коммунистов. Готовые к бою бронепоезда заняли позицию в Хачмасо. Каспийская флотилия блокировала границы Азербайджана с моря.

Рано утром 28 апреля поставленное перед фактом неотвратимой интервенции азербайджанское правительство передало власть коммунистам. В кратчайший срок, по заранее подготовленным спискам были созданы Азербайджанский и Бакинский Ревкомы, куда для придания режиму привлекательности в глазах населения, были включены мусульмане. Первым

актом Ревкома стало обращение к Советской России за вооруженной помощью и предложение военного союза. Через два часа после этого обращения советские бронепоезда с батальоном пехоты уже контролировали Баку а Красная армия без боя продвигалась в ключевые районы страны. Попытка правительства бежать из Баку потерпела неудачу. Отряд турецких аскеров захватил его и сдал в полном составе прибывшему 29 апреля в Баку Штабу Красной армии.

В бравурной телеграмме Ленину Орджоникидзе и Киров сравнивают энтузиазм азербайджанского населения, вызванный этой акцией, с подобным энтузиазмом в октябре 1917 г. в Петербурге и подчеркивают отсутствие столкновений и кровопролития. Их описание первомайских празднеств, ликования по поводу вступления Красной армии и приветствия от имени правительства Советской России перемежаются с деловой информацией о состоянии экономики страны. «Всюду полный порядок, – сообщают они, – Промысла, коммерческий флот в полной неприкосновенности. Запасов нефтяных продуктов свыше 300 миллионов пудов, месячная добыча 20 миллионов пудов. Пока отправлено в Астрахань полтора миллиона пудов. Размеры вывоза будут зависеть от Астрахани» [8, ЛЛ. 1-3]. Параллельно с выкачиванием сырья, в целях придания видимости законности новой власти, было организовано награждение орденом Красного Знамени вновь испеченного азербайджанского комиссара по военно-морским делам и командира турецких аскеров, перехвативших бежавшее правительство.

Экстренное совещание нового руководства приняло ультиматум армянскому правительству с требованием прекратить военные действия в пределах Азербайджана. (речь идет о Нагорном Карабахе – А.К.). Используя национальный шовинизм в целях стабилизации собственного положения в стране, Орджоникидзе и его окружение готовили почву для дальнейшей советизации Закавказья. «Политическая и военная сторона дела обеспечена, – рапортовали они Ленину 4 мая, – с ней справимся в Азербайджане и дальше [...] С Грузией будет то же, что с Азербайджаном, в самое ближайшее время. С Грузией никаких переговоров не ведите. Необходимо

Ваше приветствие Азербайджану и признание его в общей форме. Будем проводить военное-хозяйственное, экономическое объединение с Совет[ской] Россией. Опыт требует снабжение нас полномочиями Совнаркома для всего Кавказа и далее» [9].

Такое рвение кавказских товарищей не на шутку обеспокоило Ленина. События в Польше и пристальное внимание Запада к первым серьезным шагам Советской России требовали более осмотрительных, постепенных действий. Кроме того, его наверняка насторожили как слишком самоуверенный и высокопарный «кавказский» тон телеграммы, так и дата ее отправления – 4 мая, т.е. спустя неделю после пика событий. Второе было явным свидетельством того, что на деле все прошло не так гладко, как на словах. Кроме того, грузинское правительство обратилось к Совнаркому с жалобой на вторжение советских и азербайджанских войск на территорию Грузии. В своем ответе Орджоникидзе Ленин был категоричен. «Это в корне противоречит решению ЦК, – телеграфировал он, – ни в коем случае не разрешается Центральным Комитетом. Категорически требуем приостановления исполнения и отмены решения» [5, С. 195].

В 2 часа 10 мин. 5 мая в Баку на имя Орджоникидзе пришла телеграмма с требованием от имени ЦК отвести части от границ Грузии и воздержаться от наступления. Подписавшие ее Ленин и Сталин предупреждали о возможности заключения временного мира с Тифлисом и просили уточнить сведения о повстанцах [10]. «Само собой понятно, – ответил уязвленный Орджоникидзе, – что все распоряжения ЦЕКА нами выполняются [с] точностью и конечно нет никакой надобности их повторять. Ни один красноармеец на территорию Грузии не вступал, ни один азербайджанский солдат на территорию Грузии не вступал [...] Меня поражает каким образом Вы верите лживым заявлениям Гегечкори (Гегечкори – член грузинского правительства). Мы все считаем спасение погибающего меньшевистского правительства непоправимой ошибкой, но нечего говорить, что все ваши распоряжения будут выполняться нами очень точно и непреклонно» [11]. Но вслед за этим почти пацифистским вступлением он вновь настаивает

на своем: «Настроение в Грузии сейчас безусловно за нас... При подходе наших войск к границам восстание здесь неизбежно... По моему, если международная обстановка навязывает нам эту комедию, по крайней мере необходимо потребовать от них объявление Советской власти. Большевики на это пойдут, ибо другого выхода у них нет. Чем объяснить Ваше молчание по поводу Азербайджана. Здесь с нетерпением [ждут], что скажет Москва. По моему, в общих выражениях необходимо приветствие с Вашей стороны» [11, Л. 1].

В небольшой дополнительной записке лично Сталину Орджоникидзе, не скрывал раздражения неговорчивостью и позицией Ленина. «Получили ли мою и Кирова большую записку на имя Ленина. Если да, то как с полномочиями. Все будет исполнено, но [...] имейте ввиду, что если Вы с Арменией заключите мир, это будет нечто ужасным для мусульман [...] Получается впечатление, что мы, христиане, покорили Азербайджан, оставили Грузию и Армению в стороне. У нас все было подготовлено, 8-го перешли бы и 11-го – 12-го были бы в Тифлисе» [11, Л. 2].

Вызвав Орджоникидзе для личных переговоров по прямому проводу, Сталин не без цинизма отметил возможность говорить искренне. «Больше никого у аппарата нет, – начал он, – неужели ты можешь предположить, что я допустил бы к аппарату во время моих переговоров с тобой господина Уратадзе [Уратадзе – представитель грузинского правительства в Москве] Стыдись???» [10, Л. 6-8]. Сообщив, что приветствие Азербайджанскому правительству уже послано Лениным, он согласился с выводами Орджоникидзе по Грузии, но добавил, что обстановка такова, «что сейчас торопиться с Грузией в смысле превращения ее в Советскую...» не стоит ибо «через несколько месяцев, если коммунисты будут легализованы, она и так станет советской», так как другого пути для нее нет. «Мы завтра же или послезавтра, – продолжал Сталин, – заключим договор с Грузией, о чем сообщим тебе подробно. Нас беспокоят не лживые заверения Гегечкори, а твои и Смилги телеграммы о готовности взять Тифлис к 12 мая, что мы считаем абсолютно несовместимым с нашей политикой» [10, Л. 7-8]. Дистанцирование Сталина от Ор-

Орджоникидзе в вопросах советизации Грузии и Армении было условием политической игры. И последний это знал и понимал. Сдерживая на словах кавказских товарищей от скоропалительных шагов, Сталин неуклонно их поддерживал и требовал новых и новых акций и подтверждений необходимости окончательной советизации Закавказья.

Уже 6 мая Орджоникидзе и Киров сообщают ему о захвате азербайджанской армией пограничного Пойлинского моста и отступлении грузинской армии в направлении Тифлиса «без видимых причин». «Мы строго будем выполнять ваше приказание, говорят они, – но нет гарантии, что (в) Борчалинском уезде не начнется восстание» [10, Л. 9].

Не только Грузия, но и Армения уже стояла на пороге интервенции. По инициативе Орджоникидзе 30 апреля новое азербайджанское правительство предъявило Армении ультиматум с требованием передачи Азербайджану населенных армянами провинций – Зангезура и Нагорного Карабаха. Эта акция должна была стать первым шагом на пути советизации Армении. В первых числах мая Орджоникидзе получил телеграмму от встревоженных лидеров карабахского землячества, не ожидавших такого поворота событий. «Весть о революции в Баку и свержении правительства Мусавата вызвала ликование среди армянских крестьян и рабочих, – писали они, – особенно среди крестьян Зангезура и Карабаха, на этот раз вполне уверенных, что Советская Россия единственная власть, гарантирующая их от всяких насилий откуда бы они ни исходили. Однако ультиматум Азербайджанской республики невольно вызвал чувство тревоги [...] что советская власть в Азербайджане готовится к агрессивным действиям против крестьян» [12]. Заканчивалась телеграмма просьбой «не вводить войсковых частей в пределы Нагорного Карабаха, а выслать туда нейтральную советскую комиссию для выяснения воли революционного крестьянства и разрешения соответственно этой воле карабахского вопроса» [12, Л. 3]. Аналогичная просьба с проведением 9-го по счету опроса населения содержалась и в официальном ответе на ультиматум министра иностранных дел Армении Оганджаниянца. По-

сланная 1 мая по двум адресам – в Баку и Москву – телеграмма армянского правительства имела целью путем максимальных уступок предотвратить вооруженную интервенцию в Карабах, Зангезур и собственно Армению [13]. В Москву для установления добрососедских отношений с Советской Россией была послана специальная делегация из членов правительства во главе с Леоном Шантом. По пути следования делегация получила известие о требовании Орджоникидзе от имени Советской России вывести в 24 часа армянские войска с территории Азербайджана. На телеграмму Леонова Шанта с заверением, что это досадное недоразумение и что армянских войск на территории Азербайджана нет, ответа не последовало [13, Л. 15].

В день получения телеграммы Л. Шанта Орджоникидзе телеграфировал Ленину и Сталину свои соображения по кадровым вопросам партийного строительства грузинской компартии. Лучшей кандидатурой на пост первого секретаря ЦК готовившейся к легализации компартии Грузии он рекомендовал своего ближайшего друга и помощника – С.М. Кирова. (Именно Киров, будучи назначенным председателем комиссии по делу Вадима (Лукашева), помог ему выйти «сухим» из этого дела. Киров поддерживал Орджоникидзе практически во всех акциях последнего. Кроме того, он был русский, что также делало его фигуру привлекательной для Москвы). Второй кандидатурой был назван Буду Мдивани. На пост председателя комиссии партийного контроля – Кавтарадзе, членами этой комиссии – Ладом Думбадзе и Коте Цинцадзе [14]. Все они были и личными друзьями Орджоникидзе и Сталина. В случае их утверждения на ключевых должностях, последние достигали полного личного контроля над ситуацией в компартии.

8 мая из письма секретаря краевого комитета – Амаяка Назаретяна – Орджоникидзе узнал о новой неудавшейся попытке захвата власти грузинскими коммунистами. Их стремление поднять восстание, использовав недовольство солдат, не желавших отправляться на фронт, разбилось о слаженные действия силовых правительственных структур. Руководитель акции Сандро Махарадзе скрылся. Восставшие понесли потери: один убитый, двое раненых и трое арестованных. Послед-

ние, по приказу генерал-губернатора Сулаквелидзе, были расстреляны. Жесткие действия властей, объявивших осадное положение, вызвали дальнейшую эскалацию напряженности в республике. Коммунисты готовили новые и новые акции по разжиганию гражданской войны. Назаретян просил передать в Москву о назначенном на 10 мая выступлении в Абхазии, о готовящихся восстаниях в Северной Сванетии и Горийском уезде Грузии, о разгроме армянскими коммунистами дашнакских партийных помещений в Эривани и Александрополе [14, Л. 3]. Переслав копию письма Назаретяна Ленину и Сталину, Орджоникидзе рассматривал его как новый козырь в своей кавказской политике.

Но вопреки своим ожиданиям, 9 мая он получил телеграмму НКВД за подписью Л.М. Карахана, который от имени Ленина подтвердил прежнюю линию Москвы – закрепиться в Азербайджане и не торопиться с дальнейшим распространением «ввиду серьезных задач на Западном фронте и необходимости соблюдать осторожность, считаясь с нашим международным положением» [15]. Кроме того, в Баку приходит сообщение о заключении Россией 7 мая договора с Грузией. Москва добилась легализации деятельности КПГ в обмен на получение Грузией спорного с Азербайджаном Закатальского округа.

Разъяренный Орджоникидзе решил на резкое послание Ленину. В телеграмме от 10 мая, направленной лично главе СНК, Орджоникидзе настаивал на азербайджанской принадлежности Закатальского округа. «С Вашего благословения, – писал он, – Грузия начала сегодня на этот округ наступление [...] Признание нами этого захвата является началом конца Советской власти Азербайджана. Объясните, чем вызвано такое отношение к Азербайджану, имеющему сто раз большее значение, чем Грузия. Впечатление от договора убийственное. Мы накануне резни и развала на Кавказе. То же самое сделано с осетинскими приходами в Терской области. Перед Вами стоит вопрос: или пересмотреть договор с Грузией, или отозвать нас, ибо мы не намерены расплачиваться за невежество Наркоминдела в Кавказских вопросах» [10, Л. 4]. «Растворив» свое имя в подписях Кирова и Смиаги,

Орджоникидзе «дипломатично» обрушился на НКВД. Нет сомнений в его понимании, что в таких вопросах последнее слово всегда было за Лениным. Само имя адресата, как впрочем и тон и смысл письма, говорят за то, что он сорвался по конкретному адресу. Очевидно вспомнив ленинское – «нам до зарезу нужна нефть [...] обдумайте манифест населению, что мы перережем всех [...]», он не без иронии добавил: «Еще раз обращаем Ваше внимание на то, что невежество Карахана ставит нефть под страшную угрозу национальной резни со всеми гибельными для нас последствиями 1918 г.» [10, Л. 3].

Думается, что он попал в цель. Резкость послания компенсировалась сложностью обстановки и в сложившихся условиях стала козырем в руках единомышленника автора – Сталина. Ленин был уязвлен, но снимать Орджоникидзе не собирался. Судя по всему, он показал телеграмму и Сталину, и Чичерину. Первый из них оказался оперативнее. Его телеграмма Орджоникидзе пришла день в день – 10 мая. «Сообщите немедленно, – сухо телеграфировал Наркомнац, – во-первых, границу между Азербайджаном и Грузией по договору, существовавшему между этими государствами до объявления советской власти в Азербайджане, во-вторых, границу, желательную для Советского Азербайджана. Руководитесь этнографическими соображениями» [10, Л. 11].

11 мая настроившийся было оптимистически Орджоникидзе получил еще одну телеграмму, теперь уже от главы НКВД. Обиженный выпадом первого на свое ведомство и, очевидно, не без поддержки со стороны задетого Ленина, Чичерин избрал тон снисходительно-ироничного нравоучения не знающему азбуки марксизма грубияну: «Наша политика, – начал он, – есть мировая политика, а не ограничивается одним Кавказом. Во всех Ваших сообщениях Вы абсолютно игнорируете наши мировые интересы [...] наш мир с Грузией будет иметь в Англии величайший эффект, затрудняя политику группы Черчилля, это повысит наш престиж во всем мире. Нам в данный момент полезен там заслон [...] Вопрос о тех или иных ущельях отступает перед основными мировыми, однако перечисленные Вами ущелья вовсе не отданы Грузии. Вы ошиблись. Границу определил Реввоенсовет

по сношении с Кавфронтом. Здешние грузины подтверждают принадлежность Закатальского округа Грузии, однако вследствие Вашего протеста, мы надавили, чтобы грузинские войска туда не вступали» [16]. Тактическая победа Орджоникидзе временно обернулась стратегическим поражением. В последних строчках письма Чичерина чувствуется рука Ленина: «Во всех спорных вопросах окончательное решение вопроса будет в наших руках, но Вы, со своей стороны, облегчите нашу задачу, не допуская авантюры» [16, Л. 5]. Серьезнейшим ударом по самолюбию Орджоникидзе стала похожая и ленинская телеграмма от 12 мая, адресованная не ему, а И.Т. Смильге. В обход главы Реввоенсовета Кавфронта Ленин просил командарма 11 армии лично проследить за своевременной отправкой ряда дивизий на Западный фронт [5, С. 196].

Однако психологический дискомфорт в отношениях двух политиков длился недолго. Акценты в иерархии подтвердились, конечная цель была общей, а заинтересованность друг в друге компенсировала личные обиды. Уже 13 мая в Москву в адрес Ленина и Сталина уходит телеграмма о готовности начать мирные переговоры с Грузией и с просьбой дать санкцию на замену контролирующих Карабах и Нахичевань азербайджанских частей русскими по взаимному согласию сторон [14, Л. 5]. Отступив временно в вопросе о Грузии, Орджоникидзе стал разрабатывать «армянскую карту».

После недолгого организационного затишья в 20-х числах мая 1920 г. он начинает крупномасштабные акции по подготовке советизации Армении. Схема давления на центральный аппарат власти осталась практически без изменений. 23 мая Орджоникидзе коротко информировал Ленина о завершившемся объявлением Советской власти восстании в армянской провинции – Караван Сарае и сообщил, что вновь образованный Ревком просит помощи Советской России [17]. 25 мая Политбюро, обсудив вопрос, приняло решение: «продолжать переговоры с правительством Армении, не беря на себя инициативы немедленной советизации с помощью русских войск [...]» [18]. Ответ Москвы Орджоникидзе вновь не отличался новациями и содержал ставшую традиционной схему бескровного вве-

дения войск под предлогом помощи турецким повстанцам. Вооруженное вторжение требовало сохранения и даже усиления Закавказского военного контингента, а события на польском фронте требовали обратного. Понимал это и Орджоникидзе. В телеграмме, отправленной на следующий день на три адреса – Карахану, Ленину и Сталину – он откровенно писал: «Армению можно взорвать, но ... это будет стоить очень больших продовольственных затруднений. Не думаю, чтобы дашнаки согласились на пропуск наших войск и вооружения для Турции. Во всяком случае то, что Вы предлагаете открыто заявить Армении требование пропустить на Турцию, вызвало бы негодование армянских масс. Пока займем район Нахичевани – Ордубат – Джульфу, а там видно будет» [17, ЛЛ. 2-6]. Намекнув, что армянские коммунисты также не одобряют «турецкого варианта» и выступили посредниками правительства по вопросу мирного урегулирования армяно-турецких проблем в области Турецкой Армении, Орджоникидзе, чтобы окончательно склонить чашу весов в свою сторону, сообщил, что на границе с Арменией никаких регулярных турецких сил нет.

Усилия главы Кавбюро оказались напрасными. Москва потребовала перевода на Западный фронт двух дивизий. Орджоникидзе отреагировал резко негативно и пригрозил «большими скандалами, а может быть и провалами» [19]. И ... оказался в роли «оракула» ...

31 мая Ленин и Сталин получили его телеграмму о восстании муссаватистов в Елисаветополе, поддержанном азербайджанскими воинскими частями. Причем случилось это, по словам Орджоникидзе, в ночь с 25 на 26 мая, т.е. на следующий день после гневного предупреждения главы Кавбюро. В телеграмме сообщалось, что после шестидневных упорных боев восстание было подавлено самым жестоким образом, и выражалась надежда на возможность обойтись своими силами и дальше [20]. Трудно судить о том, насколько серьезным было восстание и случайным его совпадением с конфликтом вокруг дивизий, но, так или иначе, цель была достигнута и дивизии сохранены. Причем, первым, по иронии, узнал об этом находившийся в Кременчуге Сталин. 2 июня он получил телеграмму от Лени-

на с извещением, что просимые им дивизии уйдут на Западный фронт из резерва и что «с Кавказского фронта больше взять нельзя, ибо там восстания и положение архитревожное» [5, С. 163-164]. А 3 июня уже в Баку пришла телеграмма Троцкого с заверением, что требуемые дивизии остаются в распоряжении Кавфронта. «Это даст Вам полную возможность установить на Кавказе твердый порядок, обезоружив местное население» [21], – писал глава РВС Республики. Кроме того Троцкий передал Орджоникидзе требование Ленина о необходимости беспощадных и решительных действий по полному разоружению «буржуазии и крестьян, а также ненадежных элементов» [5, С. 206].

Послав Орджоникидзе личную телеграмму и продублировав ее через Троцкого, Ленин, однако, в тот же день, сделал косвенный запрос о событиях по другим каналам, в обход главы Кавбюро. Узнавший об этом Орджоникидзе разразился обиженным посланием. «Получил Ваше обиженное письмо, – наставлял его в ответной телеграмме председатель Совнаркома, – Вы рассматриваете напрасно обязательный для меня запрос как недоверие. Надеюсь, что Вы еще до личного свидания бросите неуместный тон обиды». Орджоникидзе вновь сдался. Его ответ был сух, но корректен. «Весь Азербайджан, – телеграфировал он 5 июня лично Ленину, – разделен на дивизионные участки и производится разоружение. После подавления Ганджинского восстания, которое носило весьма жестокий характер, из многих сел приходили делегации с изъявлением готовности сдать оружие. Несмотря на трудности, надеюсь, что справлюсь» [21, Л. 1].

Сохранив армию и лишней раз подтвердив волею случая приоритет силового решения закавказских проблем, глава Кавбюро вновь вернулся к Армении.

7 июня он отправил телеграмму Ленину, Сталину и Троцкому с подробным описанием армянских событий за прошедший месяц. «Начиная с 1-го мая, прошедшего исключительно под лозунгами коммунистических организаций РКП – писал Орджоникидзе, – в Армении перед Рабоче-Крестьянскими массами стал вопрос о власти. Знамя восстания первый поднял Александрополь, где и был выделен военно-революционный

комитет Армении. 3 мая власть в Александрополе и его районах находилась фактически в руках местных коммунистов. 10 мая приказом военревкома Армения была объявлена Советской [...]». Однако мажорное начало быстро сменяется минором. «Правительство Армении, разгромив в Эривани нашу организацию арестом всех товарищей, – продолжал Орджоникидзе, – передвинуло военные силы свои в Мазурно [...] против революционного Александрополя. После нескольких боев, данных правительству [...] революционные силы были поражены, и 14 мая Советская власть в Армении пала» [17, Л. 8]. Далее говорилось о массовых расстрелах и арестах коммунистов в Карсе, Александрополе и других городах и районах Армении. «Тюрьмы Армении – сообщалось в конце телеграммы, – переполнены тысячами Красных повстанцев и их семей, подвергшихся избиению и грабежу [...] повстанцы в Казахе в количестве 500 человек ведут жестокую борьбу и поныне [...] идет страшная расправа» [17, Л. 7]. Картина получалась впечатлительной, и, по мысли автора, должна была убедить Москву в необходимости быстрее силовой советизации республики. Закончил Орджоникидзе более чем определенной просьбой «поднажать на Армению, воздействовать на нее», арестовав армянскую делегацию в Москве [22].

8 июня он обратился с аналогичной просьбой и в отношении к Грузии. Информировав центр о невыполнимых с его точки зрения территориальных требованиях грузин в ходе азербайджано-грузинских мирных переговоров, он требовал «нажать на грузин и заставить их согласиться на старую границу». Его аргументы были также весьма традиционны: «Не считайте эти вопросы не стоящими внимания, – говорил он, – так как контрреволюция на этом спекулирует, указывая, что без большевиков грузины не смели нас трогать, а теперь отнимают наши земли» [14, ЛЛ. 22-26].

Цельность главы Кавбюро в достижении поставленной цели трудно не оценить. Поставив стратегическую задачу и меняя тактику и частные приоритеты, он твердо шел к реализации первой и старался контролировать события во всем регионе. Его не смущало то обстоятельство, что при сравнении двух телеграмм о событи-

ях в Армении от 23 мая и 7 июня возникал вопрос либо о степени компетенции автора, либо о его крайней политической беспринципности. Пользуясь монополией на информацию, (не без поддержки Сталина, «фильтровавшего» другие информационные каналы Москвы) он, подобно архитектору – самоучке, закладывал фундамент здания своей закавказской политики по беспроигрышному принципу – чем грубее – тем надежней. Корнем этой политики стало покровительство советизированному Азербайджану в его исторически сложившихся территориальных конфликтах с Арменией и Грузией. За гуманными словами о необходимости восстановить мир в регионе и прекратить национальную резню, скрывалось стремление партийного функционера как можно быстрее решить поставленную задачу. Одно насилие оправдывалось необходимостью остановить другое.

Посетив Нагорный Карабах в промежутке между восьмым и тринадцатым июня, Орджоникидзе телеграфировал в Москву о том, что в ходе продолжающегося конфликта самими армянами разгромлены армянская часть города Шуши, равнинные села в Карабахе и мусульманские села в Зангезурском уезде. По его словам, и армянское и мусульманское население с радостью встречало русские красные войска, пришедшие на смену азербайджанским частям. «Думаю, – заверял он Ленина и Сталина, – что районы Шуша, Нахичевань, Ордубан и Джульфа будут заняты без сопротивления со стороны армян» [23]. Активными действиями в спорных регионах Орджоникидзе шаг за шагом выбивал почву из под ног как армянской делегации, пытавшейся путем мирных переговоров в Москве урегулировать национальные конфликты и не допустить их использования в целях советизации Армении, так и сторонников постепенной, не силовой советизации Закавказья в центре – с другой.

На запрос Чичерина, коему было поручено вести переговоры с Арменией, о районах, на которые претендует Азербайджан, он в телеграмме от 19 июня, назвал Карабах, Зангезур, Нахичеванский и Шаруро-Даралагезский уезды. Причем в Карабахе и Зангезуре, с его слов, уже была провозглашена Советская власть, а Нахичевань несколько месяцев находилась в руках повстан-

цев. Этим сообщением глава Кавбюро пытался отрезать центру пути к возможному отступлению и сделать процесс необратимым. «Азербайджан без Карабаха и Зангезура – писал он, – обойтись ни в коем случае не может. Вообще, по моему мнению, следовало вызвать в Москву представителя Азербайджана и вместе с ним разрешить все вопросы, касающиеся Азербайджана и Армении. Это надо сделать до подписания договора с Арменией; повторение Закатальщины и с армянами окончательно провалит нас здесь» [24]. Помянув все Грузию, автор не удержался и добавил: «Ввод войск в Закатальский округ становится неизбежным ввиду контрреволюционного переворота. Всякого столкновения с грузинскими войсками будем избегать [...]» [24, Л. 4]. Выход на грузинскую тему не был случаен. По своим каналам Орджоникидзе узнал, что в развитие русско-грузинского договора Москва по просьбе официального Тифлиса готовит создание смешанной азербайджано-грузинско-русской комиссии для решения спорных пограничных конфликтов. В день отправления этой телеграммы в Москву, в Тифлис с подачи Орджоникидзе отправился новый полпред России в Грузии – С.М. Киров.

Посланника Москвы правительство Грузии встретило более чем радушно. Не доезжая шесть верст до Тифлиса, он был встречен делегацией во главе с товарищем министра иностранных дел – Джугели. У отведенного ему в Тифлисе особняка был выставлен почетный караул. Киров был польщен. Он понимал, что от него ждали помощи. Более того, в надежде на эту помощь ему дали возможность беспрепятственных переговоров с внутренней оппозицией – ЦК грузинской компартии. О своих первых впечатлениях Киров в первый же день своего пребывания в Грузии сообщил не в Москву, а Орджоникидзе. «Манифестаций никаких не было, – искренне удивленно писал он своему другу и соратнику, – кроме небольшой манифестации [в] здании посольства. По сообщению товарищей, членов ЦК, манифестации были запрещены. Получил ряд сообщений о нескольких арестах на улице, завтра все это проверю. Сейчас у меня был товарищ министра иностранных дел, который крайне беспокоится о событиях [в] Закаталах. По точным данным

Грузинского правительства, как заявил товарищ министра, Закаталы заняты Азербайджанскими советскими войсками, в чем правительство Грузии видит определенное нарушение договора Азербайджана с Грузией и ставит правительство в необходимость восстановить договор. Вопрос о смешанной комиссии, на мой взгляд, затянется, так как Мдивани (Буду Мдивани – грузинский коммунист, член ЦК КПП, кандидатура которого планировалась Москвой по согласованию с Орджоникидзе в качестве представителя в смешанной азербайджано-грузинско-советской комиссии) очевидно будет отведен, если уже не отведен» [25]. Предполагая сообщить о последнем Чичерину, Киров советовался с Орджоникидзе о возможной замене и предлагал отстаивать в качестве представителя на переговорах кого-либо из лично знакомых русских. В комиссии нужен был свой человек. Находясь по должности в ведомстве Чичерина, Киров, хотел он того или нет, работал против официальной линии НКВД. И надо отдать должное тому, что делал он это гораздо более терпеливо и тонко, чем его кавказский друг и покровитель.

Грубая политика Орджоникидзе и его людей вновь вывели главу Наркомата Иностранных дел из равновесия. В ответ на телеграмму Орджоникидзе от 19 июня он в тот же день телеграфировал в Баку: «Политика мира и компромисса с буржуазной Грузией, дашнакской Арменией и турецкими националистами продиктована ЦК партии по соображениям общей политики и должна неуклонно проводиться. Удерживайте товарищей от действий, идущих с ней в разрез. Наши представители, Киров в Тифлисе и Легран в Эривани, будут ее проводить, противодействовать мошенничествам правительств, ограждать коммунистов. Мы не должны вооружать осетин: наоборот, удерживать их, ограждая от репрессий [...] Карабах, Зангезур, Шуша, Нахичевань, Джульфа не должны присоединиться ни к Армении, ни к Азербайджану, а должны быть под Российскими оккупационными властями с созданием местных советов, ибо другое решение сорвало бы нашу политику мира, требуемую общим положением. Рассчитываем на Вас» [26]. Не надеясь, однако, на сговорчивость Орджоникидзе, 22 июня 1920 года Чичерин на-

писал письмо в Политбюро: «Недисциплинированность Бакинских товарищей и вопиющее противоречие между их действиями и установленной ЦК политической линией заставляют принять меры для их обуздания. Такою мерою должно быть назначение отсюда авторитетного товарища, не связанного с Кавказской группой деятелей, с полномочиями от Совнаркома в качестве представителя в Баку. В то время как ЦК постановил вести линию компромисса с буржуазными правительствами Грузии и Армении, дипломатическим путем вырывать там почву из под ног Антанты и отверг советизацию Армении, считая несвоевременным отвлекать в этом направлении больше наших сил, бакинские товарищи своими действиями срывают компромиссы, отвергают требуемое ЦК заключение соглашения с Арменией, способствуют восстаниям, настаивают на присоединении к Азербайджану тех спорных территорий, которые постановлено занять нашими силами, присоединение которых к Азербайджану сделает совершенно невозможным соглашение с Арменией» [27]. 22 июня вопрос «О политике на Кавказе» рассматривался в Политбюро. В принятом решении Наркомату иностранных дел предлагалось «сформулировать [...] инструкцию наиболее ответственным работникам на Востоке на основании имеющихся до сих пор постановлений Политбюро и вытекающих из них выводов. Обязать военное ведомство эту инструкцию после одобрения Политбюро преподать к руководству всем ответственным военным работникам с предупреждением, что они обязуются все свои действия строжайшим образом сообразовать с этими указаниями. Такие же указания дать всем членам Кавказского Бюро ЦК. Поручить Наркоминделу послать инструкцию т.т. Кирову и Леграну» [28]. По представлению НКВД «Инструкция Реввоенсовету Кавказского фронта» обсуждалась и была утверждена на заседании Политбюро 7 июля 1920 г. [29]. Со ссылкой на уже имеющиеся между РСФСР и республиками Закавказья договоры и соглашения в инструкции, в частности, говорилось: «[...] Следует безусловно воздерживаться от попыток вызывать восстание против правительства Грузии, Армении и Турции. Надо разъяснять тем элементам в этих ре-

спубликах, которые стремятся к перевороту, что по общеполитическим соображениям ввиду как мировой конъюнктуры, так и нашего военного положения они не должны в настоящее время приступать к осуществлению своей цели [...] Так как наше военное положение не допускает занятия русскими частями Карабаха, Зангезурского уезда, Нахичевани, Джульфы, Щаруро и Даралагезского уезда, российские военные власти должны ограничиться занятием тех спорных между Арменией и Азербайджаном местностей, которые ими теперь заняты [...] с устранением вмешательства войск тех или других соседних республик [...]» [29, ЛЛ. 7-8]. Однако попытка Чичерина провести представителем от Совнаркома в Баку Аксельрода не прошла. На том же заседании (7 июля 1920 г.) Политбюро, рассмотрев этот вопрос, приняло решение отклонить предложение НКИД «ввиду состоявшегося уже постановления о т. Серго (Орджоникидзе – А.К.)» [29, Л. 3].

На определенный период усилия Орджоникидзе и его окружения толкнуть центр к решительной политике в Закавказье были вновь блокированы. Думается, что объективной основой для этого стали провалы на польском фронте и общий политический кризис.

Внешне внимание Кавказской группы было переключено на Персию, безнадежность советизации которой была очевидна и самому Орджоникидзе. Пессимизм его нескрывается. Докладная к Троцкому с извещением, что надежды на переименованного к советам Кучук-хана несостоятельны по причинам отсутствия у последнего воинских частей, с одной стороны, и широкого революционного движения в Персии, – с другой, заканчивается не свойственным автору прагматизмом. «Посылать туда русские части ни под каким видом нецелесообразно. Сегодня отправляем мусульманские части [...] Формируем персидский полк» [30]. Смещение акцентов в сторону Персии и других государств востока в обход Закавказья становится на время своего рода естественным фоном переписки закавказских лидеров с представителями центра. По логике дальнейшей переписки можно предположить, что в этой ситуации Орджоникидзе вновь сорвался и грозил отставкой. И вновь желание

Москвы смягчить ситуацию сопровождалось жестким сохранением прежней линии.

29 июня Орджоникидзе получил через Надежду Аллилуеву личное послание Ленина с подтверждением прежних прав и полномочий адресата, с просьбой «не нервничать» и немного потерпеть. Заинтриговав Орджоникидзе сообщением о направлении ему Зиновьевым важного «интернационального поручения», Ленин добавил, что на него (Орджоникидзе) возлагается «руководство всей внешней и внутренней политикой Азербайджана и наблюдение за выполнением директив Цека и Наркоминдела по отношению к Персии, Армении и Грузии» [5, С. 226-227]. Операцию «по связыванию рук» закончил «обещанный» Зиновьев. В разговоре по прямому проводу, состоявшемся в тот же день, он сообщил Орджоникидзе решение Исполкома Коминтерна о проведении 15 августа в Баку «грандиозного» советского съезда ближневосточных народов. Поведав, что на съезд возлагаются большие надежды в плане широкого международного резонанса, Зиновьев окончательно «заземлил» Орджоникидзе: «Мы все считаем, что такую важную работу на Кавказе можно сейчас возложить только на Вас» [31].

Попытка направить неукротимую энергию закавказского лидера в мирное русло если и была удачной, то лишь частично. Занимаясь подготовительной работой, Орджоникидзе продолжал поставлять в Москву информацию о событиях в Закавказье под вполне определенным углом зрения. Формой для прямого выражения своей позиции он избирает критику НКИД в личных посланиях Ленину и Сталину [32]. Настойчивость и методичность дали свои результаты. 8 июля Орджоникидзе получил сталинскую телеграмму о необходимости перестать лавировать в азербайджано-армянском конфликте по спорным территориям и определенно поддерживать Азербайджан с Турцией. В конце телеграммы Сталин сообщил о согласовании этого вопроса с Лениным [32, Л. 11]. Ободренный Орджоникидзе вновь переходит в наступление. По его настоянию НКИД приглашает для участия в переговорах с Арменией представителя Азербайджана. В своем послании Ленину, Сталину и Чичерину от 16 июля 1920 г. Орджоникидзе

требует не спешить с заключением мира с Арменией. «Мир с Арменией без участия Азербайджана – пишет он, – сильно нервнрует здешних товарищей» [33]. Далее, ссылаясь на неизбежность резни в Нахичеванском районе, он вновь предлагает его оккупацию. Его аргументы крайне просты: «Политическая обстановка требует не допустить резни [...] что неминуемо без нашего вмешательства. Я думаю, что можно продолжить движение с целью разведки. Я сегодня же снесусь с Чичериным и если он не согласится, мы свою разведку вернем обратно. Повторяю разведка необходима» [33, Л. 6].

Все повторялось. События на польском фронте, усугубленные нотой Керзона, отодвигали в политике Москвы Закавказье на второй план. Орджоникидзе оставалось ждать и продолжать свою линию, меняя тактику. Используя интерес центра к событиям в Персии, он решается на личное свидание с главой СНК.

22 июля 1920 г. Орджоникидзе просит разрешения Ленина на однодневный приезд в Москву «в связи с работой в Азербайджане, Персии, Армении и Турции» [34]. Ленин согласился. «Посоветовавшись с Зиновьевым и Крестинским [...], – телеграфировал он в тот же день, отвечаю: приезжайте на один день, времени теряйте минимум. Привозите побольше материалов и сведений о персидской революции» [5, С. 243]. 26 июля Орджоникидзе выехал в Москву. В тот же день Киров отправил с дипломатической почтой письма Крестинскому и Чичерину с подробнейшей информацией о положении в Грузии. Цель писем была прежняя – убедить близких к Ленину партийных функционеров в необходимости скорейшей советизации республики [35]. Из переписки Кирова с Орджоникидзе накануне поездки последнего в Москву можно предположить, что в разговоре с Лениным, помимо персидских дел, Орджоникидзе ставил ряд вопросов по кадровому составу Центральных Комитетов грузинской и армянской компартий, а, следовательно, не мог не попытаться лично склонить главу правительства к решительным действиям в Закавказье [36]. Результат разговора, судя по последующим событиям, мало что изменил. В конце июля СТО по предложению Ленина принял решение

о переводе части дивизий с Кавказского на Западный фронт [5, С. 244-245], что означало продолжение прежней линии. В этих условиях Киров открывает целую серию писем Чичерину, тон которых существенно меняется. Критикуя грузинское меньшевистское правительство за репрессии по отношению к коммунистам и одобрительно отзываясь о позиции НКВД в отношении спорных территорий, он делает акцент на нарушении официальным Тифлисом отдельных статей мирного договора: о легализации партии коммунистов, о Закатальском округе и нейтральной зоне. Логика его позиции ясна – воевать с главным оппонентом – Чичериным – его же оружием и доказать неприемлемость мирного решения спорных проблем. «Если мы желаем осуществить наши интересы в Грузии, заключает он одно из своих писем, – то для этого необходимо говорить с Грузинским Правительством более категоричным тоном» [37]. Пронумерованные письма Кирова Чичерину и Крестинскому в августе – сентябре 1920 г. напоминают хорошо продуманную и четко организованную осаду. Достаточно выдержанные по форме, они совершенно окровенны и настойчивы в главном. «Я беседовал с несколькими политическими деятелями здесь и лишний раз вынес то же самое впечатление, которое излагал Вам раньше, – писал он в письме Г 6 от 17 августа, – они все еще продолжают находиться в полном заблуждении относительно ближайших судеб больших и малых народов. Они думают, что если им удалось до сих пор сохранять свою государственность благодаря невероятному оппортунизму, то этого же им удастся достигнуть теперь [...] Я им рисовал довольно определенные картины ближайшего будущего, а следовательно и судьбы окружающих нас государств [...] Я очень прошу Вас подробнее изложить Ваше мнение о наших ближайших задачах в Грузии и Армении» [38].

Эйфория, вызванная рядом удач на польском фронте, национально – освободительными восстаниями в Персии и Турции оказалась крайне недолгой. Наступление поляков, десанты на Кубани и в в Черноморье крайне обострили положение. Постановлением Политбюро Орджоникидзе было поручено подавление последних и вопрос о советизации Армении и Грузии вре-

менно отошел на второй план [5, С. 265].

Письма Кирова Чичерину приобретают в большей степени чисто информативный характер. Он подробно описывает настроение политических кругов Грузии и Армении, сообщает об ухудшении положения Мустафы Кемаля и просит директив. Даже сообщение о расстреле коммунистов, приговоренных к смертной казни за вооруженное восстание в Армении, заканчивается не просьбой немедленных действий, а сетованиями по поводу отсутствия там российского представительства [39]. Чувствуется, что ответные письма Чичерина содержали оттенок недоверия соратнику Орджоникидзе. И Киров вежливо и настойчиво убеждает наркома в своей лояльности. «Вы совершенно правильно отмечаете сложное положение, создавшееся здесь, – пишет он, – однако не могу не отметить, что Ваше предположение относительно существования глубокого противоречия между стремлениями революционно настроенных местных товарищей и политикой центра не совсем правильны. Необходимо отметить, что действительно факт заключения договора (имеется в виду вышеупомянутый договор Грузии с Советской Россией) произвел на местных товарищей весьма отрицательное впечатление. Тем не менее большинство из ответственных работников по моему приезду сюда скоро усвоило нашу точку зрения и вполне согласилось с повелительными моментами окружающей объективной обстановки» [40]. По причине занятости Орджоникидзе военными делами и очередным скандалом вокруг его имени Киров на время становится ключевой фигурой в «чисто» Закавказской советской политике: ведет переговоры между Арменией и Азербайджаном, Арменией и Турцией, Азербайджаном и Грузией по поводу спорных территорий, информирует центр и проводит в жизнь его директивы (Побывавший летом 1920 г. на Кавказе А.С. Серафимович написал Ленину о, мягко говоря, безобразном поведении Орджоникидзе. 27 августа Ленин прислал Орджоникидзе письмо с приложением выдержек из письма Серафимовича и с просьбой сделать пометки «насчет фактов: что правда, что неправда». «Горячитесь Вы, верно, здорово при случае? – миролюбиво писал Ленин, – Надо бы Вам взять помощников,

пожалуй, и направлять работу посистематичнее. Надеюсь, не обидитесь на мои замечания и ответите откровенно, что и как выправить и исправить думаете» (Ленин В. И. ПСС. Т. 51. С. 269.) Ответом Орджоникидзе было крайнее возмущение. «Владимир Ильич! – раздраженно начал он свою телеграмму, – [...] Факт присылки этих гаденьких инсинуаций говорит за то, что и Вы [поддались] кое-чему, поверили или по крайней мере решили [обратить всерьез] проверить. (Выделенное в скобках зачеркнуто рукой Орджоникидзе – А.К.) В данном случае – лучшее средство – Ревтрибунал. Не обижайтесь, Владимир Ильич, но иное разрешение вопроса я считал для себя неприемлемым. Может быть, надо было сделать больше, надо было временно, до разбора дела в Ревтрибунале, отойти от работы, но острое положение на Кубани и вообще на Кавказе заставляет меня подавить в себе субъективные чувства и настроения, тем более, что такое разрешение вопроса было бы наружу только барону Врангелю, а быть может и Вашему информатору» (РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 6/С. Д. 15. Л. 3.)). Его активность не остается незамеченной правительством Грузии. «Крупное затруднение, – сообщает он Чичерину, – пришлось мне испытать в установлении должного отношения к нашему Представительству. Никаких поводов к тому, чтобы Грузинское Правительство имело основание агрессивно относиться к нам, я не давал. Тем не менее, недоверие, какая-то болезненная подозрительность были единственными руководителями Грузинского Правительства. Оно до последней степени уверено, что в лице нашего Представительства сюда прибыл «грузинский ревком». Такого же мнения все здешние иностранные миссии, кроме разве Итальянской. ... Само собой понятно, продолжает он, – что за разгромом поляков последует и разгром Врангеля, и перед Грузинским Правительством встает призрак нашего нашествия сюда. Отсюда их тревога и удивительная нервность» [40, Л. 1] («Нельзя не обратить особенное внимание, – пишет Киров, – на отношение к нам здешнего итальянского Представительства. Итальянским послом для Закавказских республик является Мерконтелли, который на днях назначил своего представителя в Азербайджане [...] Основным

моментом, о котором чаще всего говорит Мерконтелли, является вопрос о нашей политике на Востоке и об отношении к тем малым республикам, независимость которых мы признали, в частности, к Грузии. Мерконтелли указывает, что для Европы нам совершенно необходимо наглядно продемонстрировать наше искреннее отношение к этим республикам, доказать, что мы умеем исполнять договоры, которые заключаем даже с маленькими республиками. Интересует его вопрос и о наших торговых отношениях с Италией»).

Однако действительному «нашествию» суждено было случиться чуть позже, ибо на пути встало еще одно непредвиденное обстоятельство – восстание доведенных поборами до отчаянного положения терских и кубанских казаков, обострение ситуации в Дагестане, неудачи в Персии. Переключившийся на эти проблемы Орджоникидзе, откровенно пишет Сталину в начале октября: «[В] Персии никакой революции нет. Или оккупация или уход» [41]. Вся дальнейшая переписка лидера Закавказья с центром за октябрь и первую половину ноября целиком посвящена проблемам борьбы с Врангелем и выселения казаков, и лишь в конце месяца начинается новый и решительный этап в советизации Закавказья.

21 ноября Легран (представитель Советской России в Армении) информировал Орджоникидзе об образовании в среде дашнаков группы во главе с Дро, готовой «принять программу Советорганizations» и ориентированной на «разрешение Армяно-Турецкого конфликта при посредничестве Советроссии и вводе Красных войск в Армению» [42]. Освободившийся от военной работы Орджоникидзе уже 22 ноября телеграфирует на польский фронт Сталину: «Я до сих пор был занят военной работой, теперь думаю, если Москва утвердит нам проект организации власти, больше уделить время Советской работе» [43]. Изложив краткую информацию по региону – он жалуется на связанность рук. «Беда в том, – пишет Орджоникидзе, – что расплодилось масса всевозможных уполномоченных центра и всяких других организаций» [43, л. 5]. Дальнейшие события показали, что жалоба эта была не больше, чем кокетством. В

тот же день Сталин получил еще одно послание от своего кавказского друга с сообщением о наступлении турок на Александрополь, бегстве представителей дашнакского правительства Армении из города и об образовании коммунистами Ревкома. По словам Орджоникидзе, опомнившиеся дашнаки вернулись в Александрополь, и не имевшему военной силы Ревкому ничего не оставалось как двинуться с красными знаменами навстречу кемалистам. «Мы все думаем, – заканчивая телеграмма, – что медлить уже нельзя, подождем до утра» [44]. Полученную от Орджоникидзе информацию Сталин передал Ленину и просил последнего ускорить переброску подкреплений на Кавказский театр действий. «Без созыва Политбюро, – ответил глава СНК, – я не могу дать никакого ответа. Советую Вам либо внести тотчас же конкретное предложение и немедленно поставить в Политбюро, либо действовать самому на точном основании имеющихся [...] полномочий, либо, наконец, ускорить свой приезд в Москву для решения всего кавказского вопроса в целом» [45]. Согласившись в конце на необходимость ускорить «подход подкреплений», Ленин 23 ноября отдал соответствующий приказ Троцкому и просил его сообщить об этом Чичерину [45, с. 15].

Начальные колебания Ленина Сталин истолковал как недостаток соответствующей информации и, очевидно, сообщил об этом Орджоникидзе. Начиная с 26 ноября, будучи уже в Москве, он получает каскад телеграмм последнего, первая из которых сообщала о событиях в Грузии. «Вся подготовительная работа закончена, – писал глава Кавбюро, – [...] меньшевики каждым днем теряют кредит [...] Ной (Ной Жордания – лидер грузинских меньшевиков) на совещании заявил, что страна летит пропасть. Среди рабочих поворот нашу сторону [...] По мнению Сванидзе, который едет к тебе, (против русских широкие массы не пойдут). Кемаля боятся чертовски [...] Из Армении, несмотря на все мои просьбы, от Леграна не могу получить аккуратную информацию. Мдивани выехал [в] Александрополь» [46]. Сообщения Орджоникидзе впечатляли, но носили более эмоциональный и разобщенный чем деловой и конкретный характер. 27 ноября 1920 г. Политбюро по докладу Сталина приняло

постановление, проект которого готовил Ленин. В нем, в частности говорилось: «Принять по отношению к Грузии, Армении, Турции и Персии максимально примирительную политику, т.е. направленную больше к тому, чтобы избежать войны. Не ставить своей задачей похода ни на Грузию, ни на Армению, ни на Персию. Главной задачей признать охрану Азербайджана и прочное обладание всем Каспийским морем [...]». Орджоникидзе предписывалось остаться в Баку и принять на себя политическое руководство Азербайджанским ревкомом. Сталину вменялось в обязанность договориться с Чичериным и Орджоникидзе о соответствующих коррективах внешней политики в пограничных с Кавказом государствах [47].

В этой ситуации Орджоникидзе, наконец, решается на самостоятельные, в обход Москвы, действия. Связавшись 29 ноября по прямому проводу с Трифоновым он излагает ему и Гитису (Трифонов и Гитис – представители военного руководства России в Закавказье) свой план советизации Армении: военная поддержка армянского ревкома (уже усиленного сформированным из армян полком), с одной стороны, и группы сторонников советской власти из дашнаков в Ереване, с другой. «Сообщаю это тебе и Гитису, дабы иметь Вас в курсе». – говорил Орджоникидзе. Предупредив Трифонова, что в официальной сводке армянский полк упоминаться не будет, он добавил: «Надо полагать, что Советизация Армении произойдет безболезненно и при минимальном участии со стороны наших частей [...] В случае, если Ревком с армянским отрядом встретит где-нибудь сильное сопротивление, чтобы не вышло комедии и конфуза, [в] частном порядке придется помочь» [48]. В конце разговора он еще раз напомнил Трифонову о конфиденциальности решения: «Значит, мы здесь вместе с Реввоенсоветом примем те или иные решения частного характера о помощи армянского Ревкома, не оформляя ее пока официально, но при условии, что Гитис [...] не будет писать из-за этого выговоры Командованию 11» [48, Л. 2/об.]. Пересказав для убедительности сообщение Мдивани о слабости армянского ревкома, Орджоникидзе вновь и вновь подчеркивал минимальность риска и, наконец, убедил

Трифонова. «Будем считать вопрос о неофициальной помощи армянскому ревкому, – подытожил последний, – постановлением Реввоенсовета фронта. Это исключит всякие разговоры» [48].

Поддержка военного руководства укрепила решимость Орджоникидзе. Видно, что он спешил и, надо сказать, что его спешка имела под собой основание. Утром того же 29 ноября он получил постановление ЦК о приостановке действий, но, сделав выбор, решил идти напролом. В ответной телеграмме Москве на имя Ленина и Сталина, отправленной в 14 час. 30 мин. он излагает события в выгодной для себя форме: «Постановление ЦК, – писал Орджоникидзе, – только что получил. Армянский Ревком отправленный в район Казах для подготовительной работы, получив массу приговоров от крестьян [...] с указанием, что власти нет, армия разбежалась, с просьбой прийти, ночью самостоятельно перешел границу и продолжает движение в Делижан, где [...] будет провозглашена советская Армения. В связи с решением ЦК не знаю как быть, боюсь, что уже декларировали советскую власть». Последние строчки телеграммы – «Думаю, что все пройдет без особых затруднений» [49] – Орджоникидзе, подумав, зачеркнул. И ... через пять минут, в 14 час. 35 мин., отправил телеграмму Леграну и Мдивани о необходимости в связи с продвижением Ревкома вглубь Армении активизации группы Дро в Ереване. «Гарантируй им, – советовал он Леграну, вхождение [в] Ревком и полную безопасность дашнаков» [49, Л. 3]. В ответном послании Легран сообщил Орджоникидзе о непредвиденном происшествии – вооруженном захвате армянским советским отрядом Караван Сарая и выходом информации об этом событии из-под контроля. Однако чаша весов уже склонилась в пользу Орджоникидзе. 30 ноября он узнал об официальной поддержке его позиции всем составом Кавбюро [50]. Из новой же телеграммы Леграна следовало, что Дро в Ереване сформировал правительство и был не прочь объявить Советскую власть. Его медлительность настораживала, но не меняла коренного положения вещей. В Баку состоялось торжественное заседание советов, где Нариманов зачитал декларацию Азербайджанского правительства с ука-

занием о ликвидации границ «между Советской Арменией и Азербайджаном» и передаче Зангезура и Нахичевани Армении. Армянам Нагорного Карабаха той же декларацией предлагалось право свободного самоопределения. Все шло по плану. Нариманов обещал провести мобилизацию армянских коммунистов, и Орджоникидзе успокоился. Его уже не испугала телеграмма Леграна с просьбой от имени правительства Дро подождать с советизацией до 3 декабря [49, Л. 9]. «На Нр. 50/183, – отвечал он 31 ноября Леграну, – сообщаю, задержать движение Ревкома невозможно и невыгодно, тем более, что все идет безболезненно. Армянские части переходят на сторону повстанцев и пока не было ни одного выстрела [...] Если Дро тебя не надувает, чего ему ждать 3 декабря» [49, ЛЛ. 12-13]. Его предположение оправдалось на следующий день. 1 декабря в разговоре с Трифионовым Орджоникидзе впервые определенно говорит о свержении в Ереване старого правительства и передаче власти до прибытия находившегося в Дилижане Ревкома военному командованию. «Итак, – удовлетворенно восклицает он, – еще одна Советская республика. Да здравствует Советская республика Армении» [49, Л. 21].

Получив в тот же день подтверждение Леграна о благоприятном ходе дел [51], глава Кавбюро решается на разговор с Москвой. По его просьбе дежурившая на связи Надежда Аллилуева передает Сталину, Ленину и Чичерину, что события в Армении «протекают без всяких осложнений». «Ревком Армении, – сообщила она послание Орджоникидзе, – сегодня должен прибыть [в] Эривань. Население Эривани восторженно встретило провозглашение Соввласти. Вся армия признала переворот [...] Необходимо гнать во всю армян коммунистов из Москвы» [52]. 2 декабря та же информация уходит в личной телеграмме Ленину [52, Л. 20]. И, наконец, в 1 час ночи 3 декабря в ответной телеграмме на имя главы созданного советского правительства Армении – Касьяна – Ленин телеграфировал: «Приветствую в лице Вас обоюбожденную от гнета империализма трудовую Советскую Армению. Не сомневаюсь, что вы приложите все усилия для установления братской солидарности между трудящимися Арме-

нии, Турции, Азербайджана. Председатель СНК Ленин» [53]. Симптоматично выглядит на этом фоне телеграмма того же дня, полученная Чичериным, Сталиным и Орджоникидзе от «бывшего» полпреда Советской России в Армении Леграна. «Ввиду предстоящего ближайшей времени окончательного формирования Ревкома Армении, полагаю, что нашей миссии не остается определенных задач и нет необходимости ее сохранения. Прошу [...] указаний» [49, Л. 18]. Участь Армении была решена и энергия основных участников событий переключалась на следующую жертву – Грузию.

Уже 6 декабря 1920 г. сменивший Кирова в Тифлисе Шейнман докладывал Орджоникидзе о панике Грузинского правительства в связи с советизацией Армении. Его сообщение об аресте грузинскими властями сотрудника НКВД России, блокировании следовавшего в Ереван поезда Леграна и репрессиях против коммунистов заканчивалось требованием ареста грузинских представителей в Баку, Ереване и Москве. Причем из текста послания следовало, что в Ереване эта акция уже была осуществлена [54]. Настаивая, кроме того, на ультиматуме со стороны Советской Армении с требованием оставления занятой грузинскими войсками нейтральной зоны в Борчалинском уезде, Шейнман просил Орджоникидзе надавить на Чичерина.

Попытка «решить» судьбу Грузии «на одном дыхании» вполне соответствовала взглядам главы Кавбюро. Советуясь по этому вопросу со Сталиным в телеграмме от 8 декабря, он прямо говорит, что в случае задержки советизации Грузии потребуются больше сил и жертв [55]. 9 декабря он сообщает Сталину о завершении группировки войск на грузинской границе и предостерегает о невозможности долго держать их в состоянии готовности. «Или мы должны отвести части, – настаивал он, – или двинуться, вернее догадаться. Последнем случае надеюсь, что справимся, твое и Ильича мнение [...]» [55, Л. 3]. В ответ на молчание 12 декабря в Москву уходят еще две телеграммы. Адресованные Ленину и Сталину, они похожи как близнецы: Грузия, желая «создать пакость» Советской России провоцирует деньгами и оружием восстания горских народов Кавказа; через Грузию

действуют агенты Антанты; коммунистические восстания на ее территории (Борчалинский уезд, Абхазия, Аджария) подготовлены и требуют только согласия Москвы на введение стоящей на границе войсковой группировки для ее советизации. «Все пройдет гладко. – убеждает Орджоникидзе, – [...] Положение в самой Грузии таково, что без особенного труда мы с ней покончим. Прошу ответа» [56]. Тон его телеграммы Ленину от 15 декабря позволяет предположить, что не дождавшись ответа Москвы, с одной стороны, и, вспомнив опыт Армении, с другой, глава Кавбюро взял инициативу на себя. «Совещание Кавбюро в составе Стасовой, Нариманова, Мдивани, Орджоникидзе, – подчеркнуто официально писал он, – в присутствии Элиавы, Леграна, Старка, Думбадзе, Окуджава, Командарма Геккера и члена РВС 11 армии Михайлова единогласно решило с рассветом перейти границу Грузии. Все подготовлено» [57]. Однако Москва вновь не дала согласия на эту акцию. Вопрос рассматривался на пленуме ЦК. В принятом пленумом 17 декабря 1920 г. решении говорилось: «Подтвердить решение ЦК о мирном направлении политики РСФСР на Кавказе и потребовать от Наркоминдела и военного ведомства принятия всех мер, которые могли бы обеспечить успех этой политики» [57, Л. 2]. В ответ 2 января 1921 г. Орджоникидзе и Киров разразились огромным, с грифом «совершенно секретно», письмом в ЦК, где в девяти пунктах дали подробнейшее обоснование необходимости скорейшей советизации Грузии.

«Первое. – писали они, – После советизации Азербайджана мы указывали на необходимость тогда же советизировать Грузию, как базу контрреволюции на Кавказе [...] Чтобы твердо обеспечить за нами Сев. Кавказ (хлеб и нефть) необходимо советизировать Грузию. Второе. Всячески поддерживая и организуя восстания на Сев. Кавказе и в Азербайджане, Грузинское правительство надеется тем самым отвлекать наше внимание от нея и небезуспешно провоцировать нас в глазах мусульман, усиленно раздувая действия наших войск при подавлении восстаний [...] Третье. Советская Армения без Советской Грузии фактически остается под гораздо большим влиянием Турции, чем нашим влиянием, благодаря

тому, что железная дорога в Армению идет через Грузию [...] Четвертое. При существующем положении турки легко могут создать свой буфер в Макино-Нахичеванском районе, где они намерены создать особое ханство, в руках которого будет железная дорога на Тавриз, что отрезает нас от Персии и расчленяет Армению. Пятое. Существующее в Закавказье положение вынуждает нас держать в Азербайджане значительные воинские силы, что весьма нежелательно для населения и вредно для воинских частей. Такое положение может вылиться в опасные формы и создать осложнения в самом Азербайджане. Шестое. Советизация Грузии, занятие нами Батума, вырывает у Антанты последнюю базу против нас на юге. Седьмое. [...] потому, что Антанта не успела еще организовать остатки врангелевской армии и пока не имеет достаточных сил противодействия нам. Восьмое. Надеяться на решающий взрыв в самой Грузии не приходится [...] Грузия не может советизироваться без нашей помощи. Девятое. Поводы для нашего вмешательства в Грузинские дела имеются, для этого не нужно открытого нападения на Грузию, имеется возможность поднять движение в Абхазии, в Аджарии, в Борчалинском уезде [...] В этом отношении может нам помочь также Турция и Армения и возможна такая обстановка, при которой мы явимся избавителями разлагаемой и впадающей в анархию Грузии» [58]. Заканчивалось это более чем циничное письмо выводом, что без советизации всего Закавказья советская власть не будет себя твердо чувствовать ни в одной республике, как впрочем и на всем Кавказе, на Кубани и Тереке.

12 января Пленум ЦК, рассмотрев это письмо, вновь отклонил выдвинутые предложения [59]. Орджоникидзе ничего не оставалось, как продолжать ждать и нагнетать обстановку. С его ведома армейские подразделения сознательно искали поводов для стычек с грузинскими войсками, нарушали границу Грузии, вступали в пограничные вооруженные конфликты. Причем, наряду с контролируемым правительством войсками, в пограничной полосе действовали многочисленные неконтролируемые отряды. Их необдуманные, а порой, просто провокационные действия, давали все новые и новые козыри

в руки главы Кавбюро. В ответ на его сообщения об участившихся случаях нападения грузин на пограничные посты Москва во второй половине января направила официальному Тифлису ультимативную ноту, в которой требовала прекратить провокации в трехдневный срок. 26 января 1921 г. вопрос о Грузии вновь обсуждался в Политбюро. И на этот раз произошел перелом. В принятом решении, в частности, говорилось: «1. Поручить НКИдел оттягивать разрыв с Грузией, систематически собирая точный материал по поводу нарушения ею договора [...] 2. Запросить Кавфронт о том, насколько подготовлены наши наличные военные силы на случай немедленной или близкой войны с Грузией и поручить формулировку этого запроса с указанием на крайнее обнагление Грузии комиссии из т.т. Троцкого, Чичерина и Сталина. 3. Дать директиву РВС Республики и Кавфронту разработать вопрос о тех реальных гарантиях [...] которые мы могли бы дипломатическим путем потребовать от Грузинского правительства в целях ограждения нас от помощи со стороны Грузии повстанцам Дагестана и Чечни» [60]. Во исполнение постановления Политбюро Троцкий и С.Каменев на следующий день послали РВС Кавказского фронта телеграмму-запрос: «1. Если бы советская республика оказалась против своей воли вынуждена дать военный отпор провокационной политике Грузии, считате ли вы, что в вашем распоряжении для этой операции достаточно сил и средств, принимая во внимание оккупацию территории и пр.? 2. Тот же вопрос, в случае одновременного выступления Турции и Грузии? 3. Считаете ли моральное состояние войск обеспечивающим успех? 4. Какие требования вы предъявили бы к центру, твердо памятуя реальное положение транспорта? В частности, какие требования вы предъявили бы по подвозу продовольствия для содержания армии и советских учреждений в Азербайджане, Армении и Грузии в случае оккупации последней? [...]» [61].

Такое развитие событий вполне устраивало Орджоникидзе. Видимо желая закрепить успех, 6 февраля он направил в Москву новую телеграмму. «Еще и еще раз довожу до Вашего сведения, – писал Орджоникидзе, – что положение на Кавказе с приближением весны становится все

более и более грозным, настолько грозным, что я начинаю сомневаться, удержим ли мы Баку за собой. Скопление большого количества войск [...] тяжелым бременем ложится на население. От мясных заготовок население буквально стонет и проклинает все и вся – и советскую власть, и красную армию, и русских [...] Уменьшить же количество войск не только нельзя, но напротив необходимо его увеличить, ибо [...] Грузия настолько обнаглела после последней ноты Чичерина, так необдуманно поставившего трехдневный срок не поддержав его ничем, что теперь бедный Шейнман сидит в Тифлисе, никто с ним не разговаривает и никто с ним не считается» [62]. Нарисовав картину полного падения престижа России на Кавказе, Орджоникидзе вновь потребовал советизации Грузии и поставил вопрос об увеличении численности войск в регионе на 20 тысяч человек [62, Л. 6].

Используя изменившуюся позицию Москвы, Орджоникидзе вновь, как и в случае с Арменией, активизировал самостоятельные действия. Схема действий была прежняя. По согласованию с ним в ночь с 11 на 12 февраля 1921 г. грузинские коммунисты организовали вооруженное восстание в спорных Борчалинском и Ахалкалакском уездах. Поддержанное частями все той же 11 армии восстание было обречено на успех. Узнавший о событиях Ленин 14 февраля 1921 г. попросил Склянского «зашифровать архиосторожно» и послать лично Смильге телеграмму следующего содержания: «Цека склонно разрешить 11[-ой] армии активную поддержку восстания в Грузии и занятие Тифлиса при соблюдении международных норм и при условии, что все члены РВС 11 после серьезного рассмотрения всх данных ручаются за успех [...] Требуем немедленного ответа всех членов РВС 11, а равно Смильги, Гиттиса, Трифонова и Фрумкина. До нашего ответа на телеграммы всех этих лиц ничего решительно не предпринимать» [45, С. 71]. Видимо, получив положительный ответ, Ленин на следующий день послал новую, более определенную телеграмму. «Цека рассматривает операции РВС 11, – телеграфировал он, – как местную защиту повстанцев нейтральной зоны от грозящего им истребления со стороны белогвардейцев. Считайтесь с этим политическим

характером вашей операции во всех ваших публичных выступлениях. Разумеется, мы ожидаем от РВС 11 энергичных и быстрых действий, не останавливающихся перед взятием Тифлиса[...]» [45, С. 72]. Из телеграммы Сталина, полученной Орджоникидзе 16 февраля 1921 г., следует, что на это послание Ленина он отправил в Москву подробную телеграмму, в которой сообщил, что оформленное как помощь повстанцам наступление на Грузию идет с двух сторон – с армянской и азербайджанской территорий. «Желательно, – писал Сталин, – иметь от Вас точное подтверждение этого для оповещения Европы, а равно и подтверждение об образовании Грузинского ревкома в связи с восстанием в Грузии. Сообщите также, приняты ли вами меры, чтобы русские командармы, начдивы и комбриги не допускали толкования о нашем походе на Грузию и об открытии военных действий со стороны Российской советской социалистической федеративной республики, точно и ясно говорили [бы] о защите повстанцев местными частями [...]» [63]. В соответствии с официальной версией событий 16 февраля 1921 г. Ленин получил телеграмму от имени ревкома Грузии. “[...] Последнее восстание народных масс, – говорилось в телеграмме, – оказалось победоносным. На помощь грузинскому правительству спешат силы европейской реакции. Противостоять натиску соединенной черной рати может лишь соединенная красная социалистическая рать. Мы надеемся, мы уверены, что страна не только великой пролетарской революции, но и великих материальных возможностей не оставит нас в неравной борьбе и придет на помощь новорожденной Советской Социалистической Республике Грузии [...] Да здравствует Красная Армия!” [64].

В телеграмме Ноя Жордания от 23 февраля 1921 г., перехваченной радистами Орджоникидзе, глава грузинского правительства сообщал Ленину и Троцкому о том, что война на грузинской границе приобретает национальный характер. «Пропасть между грузинским и русским народами, – писал Жордания, – расширяется. Обращаюсь к Вам, положите конец этой бойне теперь же, пока она не перекинулась за пределы Грузии» [65].

О том, как развивались события дальше в

деталях судить трудно, ибо автору этих строк не удалось найти завершения переписки в отношении последних часов, предшествующих советизации Грузии. Известно, что 25 февраля советские войска взяли Тифлис и Грузия была провозглашена советской. Думается, что в целом принципиальная картина не меняется. Советизация Грузии прошла по той же, отработанной в Азербайджане и Армении схеме.

Начавшись в Азербайджане в апреле 1920 г., “советизация” Закавказья распространяется на Армению, Грузию и, выходя за “рамки” бывшей империи, “дает метастазу” на территории Турции и Персии. Ее стандартная схема – коммунистический переворот в столице, создание Ревкома, обращение за помощью к Советской России, введение войск последней и приветствие “освобожденному народу” из Москвы – повторяется с завидной стабильностью, отличаясь лишь степенью подготовленности и количеством жертв.

Установить советскую власть в полуфеодалных, промышленно-неразвитых государствах можно было исключительно силой армии при опоре на национальную партийно-коммунистическую оппозицию. Полностью координируя свои действия с большевистским ЦК, местные партийные функционеры сознательно нагнетали обстановку. Их желание как можно быстрее советизировать свою страну было в значительной степени основано на надежде быстрее приобщиться к когорте власть имущих, получив посты местных руководителей (все это не исключает наличия среди них людей убежденных и честных, преданных однажды избранным идеалам. Более того, деятельность именно этих людей, их отношение к себе и другим, формировали положительный имидж переворота в глазах населения. Однако суть последнего от этого не менялась).

Легитимизация “установленной” советской власти – тоже схема, поражающая простотой и откровенностью. Спешная подготовка и созыв съезда советов, утверждение в руководстве исполнительной и карательной систем власти своих людей, практическая политика по указке из центра с небольшой поправкой на личные и групповые интересы. Но это уже другая тема, выходящая за рамки нашего предмета.

В итоге хотелось бы добавить, что личная переписка представителей партийного, военного и советского руководства Закавказья с Центром и между собой содержит богатейший материал, который помогает восстановить реальную картину событий в этом регионе, понять и уточнить роль отдельных представителей большевистской элиты на разных этапах становления и укрепления

там советского режима. Письма, телеграммы, разговоры “по прямому проводу” (разговор по телеграфу) восстанавливают динамику и наполняют смыслом цепочку поступков и событий в общем и целом уже описанных, но не понятых до конца. Настоящий раздел только обозначает контуры картины, большинство сюжетов которой еще ждут своих исследователей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Худавердян К.С., Хуршудян Л.А. Проблема истории установления Советской власти и гражданской войны в Армении в советской армянской историографии // Историко-филологический журнал. 1966 г. № 3. С. 95-106. URL: [http://hrj.asj-oa.am/956/1/1966-3\(95\).pdf](http://hrj.asj-oa.am/956/1/1966-3(95).pdf) (13.03.2015).
2. Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. Пер. с Французского. – М.: ИНФРА-М, Изд-во «Весь Мир», 2000.
3. Шишов А.В. Схватка за Кавказ. XVI–XXI века. – М.: Вече, 2007.
4. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 6/С. Д. 15.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 51.
6. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 6.
7. Директивы командования фронтов Красной Армии. М. 1974. Т. 3.
8. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 15. Д. 7.
9. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 12.
10. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 2/С. Д. 1.
11. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 15. Д. 53.
12. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 18.
13. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 14.
14. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 17.
15. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 17. Д. 3.
16. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 8/С. Д. 2.
17. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 3/С. Д. 1.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 83.
19. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 25.
20. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 28.
21. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 33.
22. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 1.
23. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 41.
24. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 32.
25. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 15. Д. 28.
26. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 2/С. Д. 4.
27. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 314.
28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 90.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 94.
30. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 17. Д. 8.
31. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 19. Д. 1.
32. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 3/С. Д. 2.
33. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 5.
34. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 5/С. Д. 1.
35. РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 4. Д. 21.
36. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 15. Д. 61.
37. РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 4. Д. 12.
38. РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 4. Д. 14.
39. РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 4. Д. 17.
40. РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 4. Д. 11.

41. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 12. Д. 12.
42. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 31.
43. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 8. Д. 28.
44. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 30.
45. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 52.
46. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 15. Д. 63.
47. Известия ЦК КПСС. 1991. Т. 8.
48. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 34.
49. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 33.
50. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 37.
51. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 3/С. Д. 9.
52. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 33.
53. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42.
54. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 17. Д. 17.
55. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 15. Д. 64.
56. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 15. Д. 65.
57. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 15. Д. 66.
58. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 15. Д. 68.
59. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 55.
60. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 56.
61. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2436.
62. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 15. Д. 72.
63. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1966.
64. Из истории Гражданской войны в СССР. М. 1961. Т. 3.
65. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 17. Д. 33.
66. Адамян В. Письмо в редакцию // Pro Armenia – 1994. – №3.
67. Алиханян С.А. Роль Советской России в освобождении армянского народа. Ереван. Изд-во Ан-Арм ССР. – 1964.
68. Берхин И.Б. История СССР. Учебное пособие для ВУЗов по спец. «История» –М.: Высшая школа. – 1987.
69. Большая Российская Энциклопедия – Ю.С. Осипов – М.: Научное Изд-во «Большая Российская Энциклопедия» – 2004.
70. Большая Советская Энциклопедия / Гл. редактор Прохоров А.М. – М.: Изд-во «Советская Энциклопедия». – Т.1. – 1970.
71. Большая Советская Энциклопедия / Гл. Редактор Прохоров А.М. – М.: Изд-во «Советская Энциклопедия». – Т.7., Т. 24 – 1977.
72. Геноцид армян в Османской империи: сборник документов и материалов / Под ред. Нерсисяна М.Г.-2-е дополнительное издание – Ереван. Айастан, 1982.
73. Документы внешней политики СССР. – М. Т. 5. – 1961; Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, часть III, вып. I, М., 1948.
74. История России (в вопросах и ответах) / Под ред. Зырянова Ф.П. Учеб. пособие для преподавателей и студентов. – Краснодар, 1996.
75. Карр Э. История Советской России. Большеви́стская революция 1917-1923 гг. / Пер. с англ. Вольская З.Г., Захарова О.В. – М. Изд-во «Прогресс». – Т.1-2. – 1990.
76. Кеникшвили С.Н. Исторические, международные и правовые аспекты геноцида армян и понтийских греков. От Венского конгресса до наших дней. – Ростов-на-Дону – 2006.
77. Киракосян Дж.С. Младотурки перед судом истории. – Ереван. 1989.
78. Краснознаменный Кавказ / Ред.коллегия Г.А. Алиев, Э.А. Шеварнадзе, К.С. Демирчян. – Тбилиси. Изд-во «Сабчота Сакартвело», 1981.
79. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 54. Изд-во политической литературы. – М., 1982.
80. Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи / Пер. с англ. М. Пальникова. – М., Крон-Пресс –1999.
81. Оганесян Э. Век борьбы. – М. 1991.
82. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РГАСПИ), Ф. 80, 85, 558.
83. Россия в XX в.: Историки мира спорят. – М.: Наука, 1994.
84. Сахаров А.Н., Морозова Л.Е. История России в 2 томах. Т.2. С начала XIX в. до начала XX в. – М.: ОО

«Изд-во АСТ». 2003.

85. Щетинов Ю.А. История России. XX в. Учебное пособие. – М.: Агентство «Файр», 1998

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Khudaverdyan K.S., Khurshudyan L.A. Problema istorii ustanovleniya Sovetskoj vlasti i grazhdanskoj vojny v Armenii v sovetskoj armjanskoj istoriografii // Istoriko-filologicheskij zhurnal. 1966 g. № 3. S. 95-106. URL: [http://hpj.asj-oa.am/956/1/1966-3\(95\).pdf](http://hpj.asj-oa.am/956/1/1966-3(95).pdf) (13.03.2015).
2. Vert N. Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900-1991. Per. s Frantsuzskogo. – М.: INFRA–М, Izd-vo «Ves' Mir». 2000.
3. Shishov A.V. Skhvatka za Kavkaz. XVI–XXI veka. – М.: Veche, 2007.
4. RGASPI. F. 85. Op. 6/S. D. 15.
5. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 51.
6. RGASPI. F. 85. Op. 13. D. 6.
7. Direktivy komandovaniya frontov Krasnoj Armii. M. 1974. T. 3.
8. RGASPI. F. 85. Op. 15. D. 7.
9. RGASPI. F. 85. Op. 13. D.12.
10. RGASPI. F. 85. Op. 2/S. D. 1.
11. RGASPI. F. 85. Op. 15. D. 53.
12. RGASPI. F. 85. Op.13. D. 18.
13. RGASPI. F. 85. Op. 13. D. 14.
14. RGASPI. F. 85. Op. 13. D. 17.
15. RGASPI. F. 85. Op. 17. D. 3.
16. RGASPI. F. 85. Op. 8/S. D. 2.
17. RGASPI. F. 85. Op. 3/S. D. 1.
18. RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 83.
19. RGASPI. F. 85. Op. 13. D. 25.
20. RGASPI. F. 85. Op. 13. D. 28.
21. RGASPI. F. 85. Op. 13. D. 33.
22. RGASPI. F. 85. Op. 13. D. 1.
23. RGASPI. F. 85. Op. 13. D. 41.
24. RGASPI. F. 85. Op. 13. D. 32.
25. RGASPI. F. 85. Op. 15. D. 28.
26. RGASPI. F. 85. Op. 2/S. D. 4.
27. RGASPI. F. 5. Op. 2. D. 314.
28. RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 90.
29. RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 94.
30. RGASPI. F. 85. Op. 17. D. 8.
31. RGASPI. F. 85. Op. 19. D. 1.
32. RGASPI. F. 85. Op. 3/S. D. 2.
33. RGASPI. F. 85. Op. 14. D. 5.
34. RGASPI. F. 85. Op. 5/S. D. 1.
35. RGASPI. F. 80. Op. 4. D. 21.
36. RGASPI. F. 85. Op. 15. D. 61.
37. RGASPI. F. 80. Op. 4. D. 12.
38. RGASPI. F. 80. Op. 4. D. 14.
39. RGASPI. F. 80. Op. 4. D. 17.
40. RGASPI. F. 80. Op. 4. D. 11.
41. RGASPI. F. 85. Op. 12. D. 12.
42. RGASPI. F. 85. Op. 14. D. 31.
43. RGASPI. F. 85. Op. 8. D. 28.
44. RGASPI. F. 85. Op. 14. D. 30.
45. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 52.
46. RGASPI. F. 85. Op. 15. D. 63.
47. Izvestiya TsK KPSS. 1991. T. 8.
48. RGASPI. F. 85. Op. 14. D. 34.

49. RGASPI. F. 85. Op. 14. D. 33.
50. RGASPI. F. 85. Op. 14. D. 37.
51. RGASPI. F. 85. Op. 3/S. D. 9.
52. RGASPI. F. 85. Op. 14. D. 33.
53. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 42.
54. RGASPI. F. 85. Op. 17. D. 17.
55. RGASPI. F. 85. Op. 15. D. 64.
56. RGASPI. F. 85. Op. 15. D. 65.
57. RGASPI. F. 85. Op. 15. D. 66.
58. RGASPI. F. 85. Op. 15. D. 68.
59. RGASPI. F. 17. Op. 2. D. 55.
60. RGASPI. F. 17. Op. 2. D. 56.
61. RGASPI. F. 5. Op. 1. D. 2436.
62. RGASPI. F. 85. Op. 15. D. 72.
63. RGASPI. F. 558. Op. 1. D. 1966.
64. Iz istorii Grazhdanskoi voiny v SSSR. M. 1961. T. 3.
65. RGASPI. F. 85. Op. 17. D. 33.
66. Adamyan V. Pis'mo v redaktsiyu // Pro Armenia – 1994. – №3.
67. Alikhanyan S.A. Rol' Sovetskoi Rossii v osvobozhdenii armyanskogo naroda. Erevan. Izd-vo An-Arm SSR. – 1964.
68. Berkhin I.B. Istoriya SSSR. Uchebnoe posobie dlya VUZov po spets. «Istoriya» –M.: Vysshaya shkola. – 1987.
69. Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya – Yu.S. Osipov – M.: Nauchnoe Izd-vo «Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya» – 2004.
70. Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya / Gl. redaktor Prokhorov A.M. – M.: Izd-vo «Sovetskaya Entsiklopediya». – T.1. – 1970.
71. Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya / Gl. Redaktor Prokhorov A.M. – M.: Izd-vo «Sovetskaya Entsiklopediya». – T.7., T. 24 – 1977.
72. Genotsid armyan v Osmanskoi imperii: sbornik dokumentov i materialov / Pod red. Nersisyan M.G.- 2-e dopolnitel'noe izdanie – Erevan. Aistan, 1982.
73. Dokumenty vneshnei politiki SSSR. – M. T. 5. – 1961; Mezhdunarodnaya politika noveishego vremeni v dogovorakh, notakh i deklaratsiyakh, chast' III, vyp. I, M., 1948.
74. Istoriya Rossii (v voprosakh i otvetakh) / Pod red. Zyryanova F.P. Ucheb. posobie dlya prepodavatelei i studentov. – Krasnodar, 1996.
75. Karr E. Istoriya Sovetskoi Rossii. Bol'shevistskaya revolyutsiya 1917-1923 gg. / Per. s angl. Vol'skaya Z.G., Zakharova O.V. – M. Izd-vo «Progress». – T.1-2. – 1990.
76. Kenikshvili S.N. Istoricheskie, mezhdunarodnye i pravovye aspekty genotsida armyan i pontiiskikh grekov. Ot Venskogo kongressa do nashikh dnei. – Rostov-na-Donu – 2006.
77. Kirakosyan Dzh.S. Mladoturki pered sudom istorii. – Erevan. 1989.
78. Krasnoznamennyi Kavkaz / Red.kollegiya G.A. Aliev, E.A. Shevarnadze, K.S. Demirchyan. – Tbilisi. Izd-vo «Sabchota Sakartvelo», 1981.
79. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 54. Izd-vo politicheskoi literatury. – M., 1982.
80. Lord Kinross. Rastsvet i upadok Osmanskoi imperii / Per. s angl. M. Pal'nikova. – M., Kron-Press –1999.
81. Oganessian E. Vek bor'by. – M. 1991.
82. Rossiiskii tsentr khraneniya i izucheniya dokumentov noveishei istorii (RGASPI), F. 80, 85, 558.
83. Rossiya v XX v.: Istoriki mira sporyat. – M.: Nauka, 1994.
84. Sakharov A.N., Morozova L.E. Istoriya Rossii v 2 tomakh. T.2. S nachala XIX v. do nachala XX v. – M.: OOO «Izd-vo AST». 2003.
85. Shchetinov Yu.A. Istoriya Rossii. XX v. Uchebnoe posbie. – M.: Agentstvo «Fair», 1998